

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР XV
ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО БЫЛИННОГО ЭПОСА

(«Потык» и «Микула Селянинович»)

Идеи социального протеста традиционно связываются с поздним периодом развития фольклора, с эпохой появления рабочего класса и социального размежевания деревни. Применительно к эпосу тематику социального протеста ищут в поздних переработках героических былин, где начинает подвергаться осмеянию князь Владимир, подчеркивается несправедливость правителя по отношению к герою, трусость и предательство бояр толстобрюхих и проч. В целом это верно, но нам хотелось бы указать еще на один аспект этой проблемы, внешне как будто даже и неожиданный, а именно на ту психологическую трансформацию, которую претерпевают в позднем периоде развития эпоса иные, как раз древнейшие эпические сюжеты - сюжеты, происхождением своим обязанные в значительной мере еще догероической поре. Причем новое звучание они получают не вопреки, а благодаря их коренным особенностям именно как сюжетов древнейших, догероических, так сказать, довоенных эпических произведений, наиболее крепко связанных с общеплеменной (позднее - общенародной) демократической традицией, точка зрения которой и получает злободневный характер в условиях нового времени. К этому выводу привел нас анализ древнейших былинных сюжетов, ближайшей задачей которого было наметить время сложения эпической поэтической системы.

I. ПОТЫК

Народный эпос имеет свою иерархию героев, которая подчас сильно расходится с представлениями, возникшими в литературно-художественной, да и в научной среде конца XIX века, и бытующими до сих пор. Если для нас главные герои русского эпоса Илья Муромец, Добрыня и Алеша Попович, к которым присоединяются новгородские Садко с Василием Буслаевым, да богатырь-пахарь Микула Селянинович, то в народных представлениях, как это

отметил еще Рыбников, не меньшею, а зачастую и большею популярностью пользовался еще ряд героев, таких, как Дюк Степанович, Дунай и Михайло Потык. На последнем из названных необходимо остановиться особо.

Былина о Потыке - одна из самых больших наших былин и, что является редкостью для русского эпоса, многосоставная. Уже то, что певцы помнили ее, несмотря на сложность композиции, до самого заката эпической традиции, заставляет внимательней отнестись к этому сюжету.

Еще со времен Белинского сложилась традиция недооценки былины о Михайле Потыке, как и самого былинного образа названного богатыря. Сюжет былины чаще всего объявлялся заимствованным или случайно возникшим из разнородных частей. Сводку прежних мнений о былине и убедительную критику их дает В. Я. Пропп,¹ и мы на ней останавливаться не будем.

Коротко сюжет былины заключается в том, что богатырь Михайло Потык, отправившись в поход, встречает девушку-оборотня (лебедь белую) и берет ее в жены, положив «заповедь великую»: ежели кто из двоих умрет, другому лечь с мертвецом в гроб. Марья (или Авдотья, имя меняется) умирает. Потык приказывает соорудить просторную могилу, куда и опускается с припасом, оружием, иногда - конем, прихватив металлические прутья и клещи. В могилу является змея (иногда в змею обращается сама Марья). Потык борется со змеей, побеждает, оживляет жену и выходит с ней из могилы. Затем (а иногда и еще прежде) следует ряд попыток украсть или отбить Марью. При этом киевляне в отсутствие героя со страху перед вратам хотят выдать ее добровольно. Потык каждый раз побеждает врагов, пока наконец Марья сама не убегает от него с похитителем. Догоняющего их Потыка Марья несколько раз обманывает, опаивая сонным зельем, и превращает в камень. Друзья, Илья с Добрыней, которым помогает неведомый калика-святой, спасают (расколдовывают) Потыка. В конце концов, после еще одного обмана, Потык, спасенный на этот раз влюбившейся в него дочерью или сестрой похитителя, казнит Марью и ее

¹ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Изд. 2-е. М., 1958 (далее: В. Я. Пропп). См. анализ былины «Михайло Потык» и примечания к сюжету.

любовника и женится на спасительнице, иногда возвращаясь в Киев, иногда оставаясь править завоеванным царством.²

Былина ко времени записи была известна главным образом в Прионежье, затем на Белом море, в Мезенско-Кулойском районе, на Печоре (одна запись) и Урале (тоже одна запись), в собрании Кирши Данилова, в краткой редакции, сходной с вариантами Печоры и Терского берега. Можно думать, что сюжет попал на Урал и Печору с Белого моря, в порядке миграции северян-поморов, расселявшихся по низовьям великих северных рек. Былина в полной многосоставной редакции известна также в записях XVII-XVIII вв. (семь вариантов, являющихся списками одной редакции, близкой некоторым заонежским). В Пудожье былина образует особую, пудожскую, редакцию, которую необходимо признать вторичной относительно заонежских. В пудожской редакции Марья сама приходит к шатру Потыка, уже не лебедью, а девушкой, а ее «лебединая» природа сохраняется пережиточно в имени «Лебедь белая» да в указании, что она прежде три года летала белой лебедью. Только в этой редакции Потык не совершает поначалу никаких подвигов (во всех прочих редакциях он сперва берет дань или одолевает врага) и потому стыдится на пиру, что привез жену, а не захваченное добро. Впрочем, и в этой редакции Потык впоследствии окажется на высоте положения, обыграв царя Вахрамея и разбив врагов. Змея тут оказывается просто змеей подземельной, поедающей трупы, что

² Тексты см.: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.-Л., 1958, № 23; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. I—III. Изд. 2-е. Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1909-1910, № 11, 12, 28, 28в, 113, 166, 196, 218; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. I—III. Изд. 4-е. М.-Л., 1949-1951, № 6, 39, 40, 52, 82, 150, 158; Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899-1901 гг. Т. II, Прага, 1939, № 50, 60, 65; т. III, М., 1910, № 29, 70, 109; А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901, № 8, 74, 100(к); Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и В. А. Богословским. Тр. Муз.-этн. ком., т. I, М., 1905, стр. 75; Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904, № 57; Былины Севера. Т. I. Мезень и Печора. Записи, вступ. статья и комм. А. М. Астаховой. М.-Л., 1938, № 19; Т. II. Прионежье, Пинега и Поморье. М.-Л., 1951, № 150; Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. Петрозаводск, 1948, № 7; Г. Н. Парилова и А. Д. Соимонов. Былины Пудожского края. Петрозаводск, 1941, № 9, 26, 47; Онежские былины. Подбор былин акад. Ю. М. Соколова. Подготовка к печати В. Чичерова, М., 1948, № 20, 87; Былины М. С. Крюковой. Зап. Э. Бородина и Р. Липец. Т. I, М., 1939, № 50; Сказитель Ф. А. Конашков. Подг. А. М. Линецкого. Петрозаводск, 1948, № 15. Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. Изд. подг. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.-Л., 1960, № 36-42. Далее ссылки на эти издания даются кратко: А. Д. Григорьев, и т. д.

тоже есть позднейшее переосмысление (вернее - забвение) старого сюжета. Редакция эта распространена локально в одном Пудожском районе. Все эти, как и неназванные подробности текстов, свидетельствуют о сравнительно позднем и местном характере пудожской редакции.

В мезенской редакции развит мотив волшебства Марьи. Завоеванная в бою, она, не даваясь Потыку, по ночам несколько раз оборачивает его разными зверями, пока, наконец, Илья (или Добрыня) не поможет Потыку в качестве свадебного заместителя (ситуация, характерная для волшебных сказок). В версиях этой редакции появляется также вставной эпизод. Потык по дороге домой спасает от огня (заливает водой) змеиное гнездо, и благодарная змея помогает ему, когда он опускается в могилу. В этой редакции как раз умершая Марья и оборачивается обычно сама змеей. Мезенско-кулойскую редакцию также можно считать позднейшей, сложенной в результате сказочной обработки сюжета (обилие сказочных помощников героя, что менее характерно для эпоса).³ Однако не лишено вероятия и то, что здесь сказалась какая-то иная, также древняя форма былины, скрестившаяся с прионежской, когда волна новгородской (через Белое море) колонизации в устье Двины столкнулась с волною «низовского» движения на Север.

В недавних спорах, развернувшихся вокруг книги Б. А. Рыбакова «Древняя Русь», несколько запоздало воскресившего традиции «исторического направления», автор данной статьи целиком стоял на стороне взглядов В. Я. Проппа, или «школы Проппа», как уже теперь можно сказать, ибо В. Я. Пропп - это именно школа, причем ведущая школа нашей фольклористики. Действительно, рассматривать живое, многообразно меняющееся и подверженное в процессе этих изменений особым законам, определяемым спецификой искусства, да еще к тому же устное явление как археологический материал, намертво закрепивший известные конкретные исторические факты, - принципиально неверно. Однако, разделяя в целом положения В. Я. Проппа,

³ См. мнение А. М. Астаховой (Былины Севера, т. II, с. 780).

развернутые им в книге «Русский героический эпос» (особенно теоретические установки вступительной части этого труда), хочется выдвинуть ряд дополнительных соображений, частично продолжающих, а в чем-то и оспаривающих исходные утверждения Владимира Яковлевича.

1. В. Я. Пропп рассматривает сюжет и идею былины в целом как некий общенародный и общевременной итог народного творчества, сам оговариваясь, что такое рассмотрение есть взгляд исследователя, обобщающего материал. Реально идея (как и сюжет) не существует «в целом», распадаясь на ряд сходных идей, разных оценок, разных сюжетных ходов (чем и вызвано разделение каждой былины на версии, редакции, типы и т. д.). Все эти разные, иногда противоречивые оценки, разные комбинации событий образуют движение сюжета и - в плане временном - историческое движение народной мысли. Для того чтобы представить себе народную идею в ее реальном развитии, сюжет былины необходимо рассматривать в его последовательном изменении, с учетом разных редакций, версий и проч.⁴ По нашему мнению, такой подход способен выявить то, что при принятом В. Я. Проппом методе неизбежно уйдет из поля зрения исследователя.

2. Как нам кажется, как раз из вышеназванной методики, принятой в «Русском героическом эпосе», вытекает важная ошибка автора. Утверждая, что русский эпос на государственной стадии ставит основной задачей оборону страны, В. Я. Пропп делает неоправданное, на наш взгляд, допущение, что тематика «добывания жены» в этот период стала рассматриваться вообще как недостойная героя. (Между тем подобная мысль присутствует в ограниченном числе поздних вариантов, в частности в «Потыке» - только в пудожской редакции). В защиту этого положения В. Я. Проппу приходится сделать целый ряд натяжек в толкованиях сюжетов и даже произвольных допущений. Например, он утверждает, что Потык не настоящий богатырь, что он небрежно выполняет свои гражданские обязанности, забывает получить дань, что народ не

⁴ Методика подобного анализа разработана А. М. Астаховой в ее комментариях, к «Былинам Севера».

считает его настоящим богатырем. Потык же во всех текстах, кроме пудожских, именно получает дань и привозит в Киев (в пудожской редакции он это делает потом, после женитьбы). Даже срочно уезжая на похороны жены, он не забывает распорядиться выигранным добром в пользу князя Владимира. Потык к тому же совершает и еще ряд подвигов, отбивая от Киева врагов. Наконец, по народной «табели о рангах», когда богатыри называются крестными братьями, Потык получает место не более и не менее - сразу после Ильи Муромца (Илья - старший брат, Потык - средний, Добрыня - младший брат). Истина заключается в том, что война, даже оборонительная, никогда не рассматривалась народом как самоцель.⁵ Люди жили не для войны, но воевали для защиты жизни, а устройство семьи - это и есть наиболее наглядный, так сказать, во все времена, акт утверждения жизни. Сюжетов с добыванием жены в государственном периоде эпического творчества слагалось не менее, чем в догосударственном, и речь только о том, как в этот период они оформляются и с чем увязываются. Сама же подобная тематика отнюдь не отрицается.

3. Так же нельзя безоговорочно согласиться с утверждением В. Я. Проппа об исключительно оборонительном характере русского эпоса. Да, конкретные пути истории сложились так, что тема защиты страны, мирного труда земледельца от постоянной угрозы степного вторжения у нас возобладали. Но нельзя не видеть следов и иной тематики, завоевательного характера. В частности, в «Потыке» об этом говорит и зачин, когда богатыри отправляются «корить языки неверные, прибавлять земельки святорусские», и иногда заключение (в тех вариантах, где Потык завоевывает заморское царство). Все это нельзя считать чужеродным для нашего эпоса элементом, если вспомнить те периоды ранней русской истории до владимирова времени, когда Олег, Игорь и Святослав самым решительным образом «корили языки» и «прибавляли земли», неоднократно покушаясь на саму Византийскую империю.

4. Рассматривая эпос в целом и сопоставляя поэтику русских былин с

⁵ В частности, тут заключено отличие народного эпоса от рыцарского романа.

поэтикой якутских олонхо, В. Я. Пропп утверждает, что эпическая гиперболизация падает, снижается по мере исторического движения от догосударственного эпоса к эпосу раннегосударственной поры. Между тем поэтика былин, рассмотренная в процессе ее развития, дает иную, более сложную картину, показывая, что гиперболизация и сама складывалась постепенно и даже «росла» в пору раннегосударственных объединений.

5. Наконец, последнее. Нам кажется (и это уже не возражение, а развитие взглядов В. Я. Проппа, в частности изложенных в книге «Исторические корни волшебной сказки», а именно той мысли, что всякая «фантастика» имеет в народном творчестве истоком своим определенные реально-исторические явления), что общее указание на «тот мир», куда уходит герой, добывая невесту, в ряде случаев поддается исторической конкретизации. Т. е. общее положение о «том мире» как некоем обобщенном представлении раннерелигиозного характера верно, но реалии «того мира», в той мере, в какой они связаны с какими-то действительными явлениями далекого прошлого, всегда индивидуальны. Та же «жена из того мира» есть персонаж, когда-то, где-то обладавший конкретным племенным и географическим адресом, позднее обобщенный по законам эпической поэтики. Сама мифология ведь тоже конкретна, давая в сходных по общим признакам системах неповторимые исторические варианты, свой образ и вид для каждого данного племени или группы племен.

В сюжете «Потыка» древнейшая основа былины обнаруживается в эпизоде его женитьбы на Белой лебеди с последующим уходом в могилу. Поставим перед собою следующие вопросы.

1. Какие конкретно-исторические реалии отразились в этом эпизоде?
2. С каким географическим ареалом (помимо Киева) связывается создателями былины описанное событие?
3. К какому времени (приблизительно) можно отнести первоначальное

сложение сюжета?

4. Каков древнейший смысл былинного конфликта?

5. Как и когда возникли прочие части сюжета?

6. Как складывалась поэтическая система былины?

7. Как, наконец, осмыслялся сюжет былины впоследствии, в его современном (современном моменту записи) виде?

Переходя к первому вопросу, о реалиях, остановимся прежде всего на странном имени героя: Михайло Пóток, или Штык (но всегда с ударением на первом слоге), сын Иванович. Отчества, даже в высшем сословии, сравнительно позднее явление. «Ивановича», как явно недревний привесок, можно откинуть сразу. Имя Михайло Пóток старые исследователи сближали с именем болгарского святого Михаила из Потуки... (В 1206 г. состоялось перенесение его мощей из Потуки в Трнов). В. Я. Пропп отверг эту аналогию как ложную, показав, что сюжет значительно древнее XIII столетия. Производить имя героя от святого Михаила из Потуки (при всей внешней соблазнительности этой аналогии) нельзя еще и потому, что такое словообразование лингвистически маловероятно. На наш взгляд, имя Михайло Поток (Потык) возникло опять же в два приема, христианское «Михайло», - позднее, а изначальное «Поток» может быть объяснено без помощи болгарского святого. «Пътъка», «потъка» по-древнерусски означает «птица». Допуская мужской вариант слова потъка - потыкъ (по аналогии с «дива» - «дивъ»), вызванный физической принадлежностью героя, приходим к выводу, что изначальное, дохристианское имя Потыка (с последующим прояснением редуцированного звука в «о», а затем «о» в «ы», поскольку звук не под ударением, в северных говорах и в «а» в области акающих говоров: «потак», как это отмечено в варианте Кирши Данилова) указывает на его «птичью» природу. Можно с достаточным основанием предполагать, что перед нами воспоминание о каком-то антропоморфном существе древнейшей нашей мифологии, возможно - предке-покровителе одного из славянских племен. После исследования Е. М.

Мелетинского⁶ можно считать доказанным, что ранний эпический герой восходит к так называемому «культурному герою». Культурные герои, давшие, таким образом, начало эпосу, часто являются животными-людьми: ворон у сибирских народов, например. В частности, в эвенкийских преданиях ворон (связанный с солнцем) устраивает землю, а лебедь (связанная с водой) пытается помешать, портя его работу. Впрочем, не стоит забираться так далеко. Не забудем, что культ птиц был одним из наиболее упорных низовых языческих культов древней Руси. Еще Сергию Радонежскому окрестные жители (как-никак конец XIV столетия!) говорили: «Веруем в потькы». Птичьи головки как амулеты-украшения широко бытовали на Руси. О гаданиях славян по полету птиц сообщают многие древние авторы (ряд примеров, в частности, приведен в словаре Срезневского на слово «птька»). С птицей на голове изображался Радгост-Сварожич, один из главных богов балтийских славян. (Такие же птицы венчают двуглавого орла в некоторых вышивках русских полотенец). Главным праздником лужичан (отмечаемым до сих пор 25 января) является праздник птиц - «птахи квас» (птичья свадьба). Универсальна связь птиц с наступлением весны в воззрениях восточных славян: орел в ряде веснянок, кулик, приносящий весну, «жаворонки» из теста и т. д., причем тут как раз участвуют птицы мужского рода и «сухопутные» в отличие от птиц-дев водяной (лебединой) породы, символизирующих женское, влажное, темное и часто недоброе начало.⁷

Сам подвиг Потыка - его пребывание под землей, борьба со змеем и победа - также напоминает обычные подвиги «культурных героев» (и вообще героев раннего эпоса). Борется он к тому же в значительной мере с помощью хитрости, своего острого смысла, как и подобает героям-предкам, хитростью одолевающим злых мифологических существ. «Хитрость» Потыка проявляется прежде всего в том, что он заранее знает, что ему предстоит делать. Опускаясь в могилу, Потык изготавливает клещи (которыми потом ухватит змею) и металлические прутья,

⁶ Е. М. Мелетинский. Происхождение героического эпоса. М., 1963

⁷ См.: Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. «Славянские языковые моделирующие» семиотические системы (древний период). М., 1965.

железные, медные и оловянные, которыми будет бить змею, заставляя оживить Марию Лебедь белую. При этом железные прутья не производят особого эффекта, медь - больше, и только олово окончательно сокрушает змею, обязующуюся, под залог змеенышей, принести живую воду для воскрешения покойной. Подробность эта уводит нас к бронзовому веку. Бронза - сплав меди с оловом, которое и придает ей недостающую прочность. Олово встречалось редко и, по свидетельству арабов, служило одним из постоянных товаров русской торговли наряду с мехами. Бронзовый век - это еще первая половина I тыс. до н. э. Впрочем, бронза (и ее составные части) пережиточно могла иметь магическое значение и в более поздние времена, подобно тому, как в век бронзы в ритуальных целях продолжали употреблять каменные орудия. Острый смысл Потыка подчеркнут и в последующих (позже возникших) частях былины, в эпизоде игры в шахматы. Композиционно былина также должна быть отнесена к ранней стадии развития эпоса (добывание жены из «того мира» с последующими попытками ее украсть в отсутствие героя - характерная композиция былин догосударственной поры; см. исследование В. Я. Проппа).

Обратимся теперь к характеру захоронения, предложенного Марьей Потыку. Здесь нас подстерегает неожиданность. Захоронение это явно дохристианское. Но до принятия христианства славяне всегда сжигали своих мертвецов. А тут нет и намека на трупосожжение. Если проанализировать все варианты, откинув явно испорченные, с поздним переосмыслением, то картина вырисовывается следующая. Изготавливается очень большая могила типа комнаты, где-то в углу которой помещается гроб - «колода» с телом Марьи. В могиле (вне гроба) устраивается сам Потык, захватывая с собою коня, оружие, еду на какой-то срок. Сверху все это закрывают «досками дубовыми» и засыпают песком и землей. Позже (когда слышится голос Потыка) могилу разрывают. В некоторых вариантах тут начинается спор, ибо разрывать могилу - святотатство, но в большинстве вариантов, напротив, богатыри - друзья Потыка или сам Владимир без его просьбы сразу устанавливают дежурство на могиле,

чтобы ее разрыть. Нетрудно заключить, что перед нами не что иное, как картина срубного захоронения, детально изученного по раскопкам на Алтае (Пазырыкские курганы VI - начала III в. до н. э.) и в скифских степях, - захоронения, свойственного ираноязычным скифским племенам (и близким к ним племенам сарматов), на отнюдь не предкам славян, причем в сарматских захоронениях археологами обнаружены следы ритуального разрушения костяка, что требовало, естественно, через какой-то срок разрытия могилы.

На третьем звене сюжета, образе Марьи Белой лебеди, мы остановимся ниже. Сейчас же попытаемся выяснить второй вопрос из поставленных выше - о месте действия, «географии» нашей былины.

В. Я. Пропп вообще отказывается от географических приурочений. В известном смысле это справедливо, но только в известном. География былин очень приблизительна, но эта приблизительность обращается вокруг каких-то определенных констант, которые зачастую поддаются расшифровке. Где Потык встречает Марию Белую лебедь? В зачине былины Владимир отсылает богатырей за данью. Потык, если вывести среднестатистический итог, едет куда-то в южную сторону и к морю. Чаще всего это задонская земля. Она же названа и в древней редакции. Наряду с нею упоминаются: Подольская земля, Заморское царство, Земли южные, просто «Море», Турция, Индия, Темная Орда и совсем уже фантастические Копейщата земля, земля Лямская. Среди всего этого набора ощутимо просматривается все-таки южное приморье, «земля Задонская», - т. е. опять-таки территория скифо-сарматских племен (татары ассоциировались уже с Поволжьем). Показательны имена похитителей Марьи. Помимо Литовского короля, это «царь Бухарь», Вахрамей (который, видимо, восходит к иранскому Бехраму), Иван Окульевич (в поздних редакциях), Кошей, Идолище (редко). Опять перед нами, в конце концов, (отбрасывая позднюю Литву) оказывается некий стенной юго-восток. Память певцов крепче всего хранила общее представление о направлении, а конкретные названия менялись в соответствии с позднейшими историческими событиями и фантазией сказителей.

Однако между скифской (скифо-сарматской) и славянской культурами еще недавно предполагался разрыв минимум в полтысячелетия. И здесь мы подходим к третьему вопросу, о возможном времени появления сюжета.

Эпос возникает в эпоху героическую, в эпоху разрушения родового строя и начинающихся передвижек - столкновений племен, что и приводит к состоянию «военной демократии», по терминологии Энгельса. Для славянского мира этим периодом считался недавно VI в., когда началось массовое движение славян за Дунай, в пределы Византийской империи. Однако нельзя отказываться и от более далеких ориентиров, поскольку уже ясно, что VI век не столько отмечает начало движения славянских племен, сколько лишь тот его период, который попал в поле зрения античных историков, ибо столкновения славян с соседями-варварами, естественно, не оставляли следов в античной и византийской историографии.

Славяне VI-VIII вв. появились на арене истории, как Афина из головы Зевса, - в полном вооружении и взрослой. Исторический период застает у нас весьма развитую общественную жизнь, крупные племенные союзы типа раннегосударственных объединений, развитое железоделательное производство, высокий уровень кузнечного и ювелирного ремесел, не говоря уже о других, градостроительство, торговлю, значительное классовое размежевание. Полагать, что в первых веках славяне еще не сложились этнически, не приходится. Впрочем, об огромном славянском мире, протянувшемся от Адриатики до Балтийского моря, говорят еще римские историки начала нашей эры. Вопрос только в том, когда славяне появились в Поднепровье, т. е. вступили в соприкосновение с кочевыми народами причерноморских степей. Археологи ныне твердо установили, что Зарубинецкая культура Поднепровья (II в. до н. э. - II в. н. э.) - славянская, причем ко II в. до н. э. славянские племена находились уже на стадии племенных объединений с военноремесленным устройством.⁸ Археология еще не сказала последнего слова в определении культур,

⁸ П. Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, с. 33.

предшествующих Зарубинецкой. Можно пока лишь предполагать, что носители лесостепных поднепровских культур скифского времени, а также Чернолесской и Белогородской культур (XI-VI вв. до н. э.), восходящих к эпохе бронзы, были предками славян, продвинувшимися сюда с Запада. Так или иначе, но генетическая связь этих культур с последующей Зарубинецкой, уже несомненно славянской, прослеживается.⁹

Геродот (середина V в. до н. э.) пишет о скифах в четвертой книге своей «Истории», подразделяя их на царских скифов, кочевников, скифов-земледельцев и скифов-пахарей, привязывая последних к Поднепровью, месту обитания позднейших славян - антов. «Скифией» называли земли, заселенные славянами, и позднейшие византийские историки. Учитывая иранские (скифские) заимствования в языке наших предков (а также особую близость, в пределах индоевропейского единства, иранской группы языков к праславянской) и традиции «звериного стиля», как бы доставшиеся нам по наследству от скифского узорочья, можно предполагать, что уже скифы-пахари Геродота (или часть их) были не скифами, а предками славян поднепровских. Отметим тут и почти установленный факт вхождения иранских божеств в древнерусский пантеон (Хорса и Сварога), что говорит о долгом и тесном взаимодействии. Отметим и очень убедительную мысль о том, что само наименование днепровских славян «русью» («народ Рос») имеет сарматское происхождение (см. об этом в книге П. Н. Третьякова). Во всяком случае, связь славян со скифами, казавшаяся некогда прямой, а позже отвергнутая совершенно, ныне вновь получила права правдоподобной научной гипотезы.

Зато вполне доказана длительная связь славян с сарматами, сменившими скифов в степях Причерноморья. Сарматы родственны скифам. Во времена Геродота они еще жили на востоке, в задонских степях, и назывались савроматами. Общественная организация савроматов характеризовалась чрезвычайно сильными пережитками матриархата, что видно по захоронениям, в

⁹ См. названную работу, а также: П. Н. Третьяков. Итоги археологического изучения восточнославянских племен. — В кн.: Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961.

которых женщины часто погребались как воительницы - с луком и стрелами и прочим военным убором. Видимо, женщины-воины были главным образом стрелками из лука. Отметим и заметим эту особенность. Потомки савроматов - сарматы (IV в. до н. э. - IV в. н. э.) ко II в. до н. э. перешли Дон, потеснив скифов, и вступили в тесные взаимоотношения со славянскими зарубинецкими племенами. С I в. до н. э. бывшая территория Скифии в низовьях Дона и Днепра получает у античных авторов имя Сарматии. Вскоре сарматы появились и на Дунае. Лишь в III в. н. э. сарматы были потеснены в Причерноморье нашествием готов, а в IV в. разгромлены гуннами. Часть их перешла в Западную Европу, часть смешалась с окрестными племенами, в частности со славянами.

Таким образом, «героических ситуаций» у восточных славян хватало задолго до татаро-монгольского нашествия, которое было лишь заключительным эпизодом в цепи постоянных натисков «степи» на оседлый славянский мир (до него были половцы, печенеги, торки, хазары, авары - во второй половине VI в., гунны, сарматы). Гунны появились в 370 г. и шли широким фронтом через славянские земли, попутно вытеснив из Причерноморья готские и сарматские племена (их империя распалась в 453 г. после смерти Атиллы). Ошибочно думать, что славянский мир в те далекие времена еще никак не проявлял себя или что воздействие кочевников было односторонним. Археология давно установила, что оседлые цивилизации оказывают большее влияние на кочевников-завоевателей, чем те на них. Можно утверждать, что славяне, в отличие от готов и сарматов, устояли под натиском гуннов, частью отступив к северу и потом вновь захватив Поднепровье, частью влившись в гуннское государство на правах младшего партнера. Римский историк Приск, присутствовавший на похоронах Атиллы, приводит слова «страва» (пир на тризне) и «мед» (название употреблявшегося у гуннов напитка), т. е. влияние славян в ту пору на гуннов было чрезвычайно значительным. Мы говорим - чрезвычайно, ибо оба эти факта - распространение национального напитка с его самоназванием (мед - национальный напиток славян, кочевники гунны его не

знали и не могли производить) и влияние на столь, интимную и трудно поддающуюся инонациональным воздействиям часть жизни, как похоронный обряд, - говорят именно об огромном влиянии. Рассказ готского историка Иордана о столкновении остроготов Винитария с антским королем Божем также симптоматичен. По Иордану, гуннский король вступился за славян, т. е. рассматривал славян как союзников, а готов - лишь как непокорных данников.¹⁰

Что касается отношений с сарматами, то римские историки говорят об их постоянном смешении со славянами путем перекрестных браков (Тацит затруднялся, отнести ли ему венедов к германским или сарматским племенам, склоняясь к первому; см. «О происхождении германцев»). Археологические раскопки поселений лесостепной полосы Заднепровья подтверждают это утверждение, ибо в одних и тех же селениях, встречены вперемежку два вида захоронений, с трупосожжением и с трупоположением.

Смешение путем перекрестных браков - это путь к познанию и усвоению национальных обычаев, а также, возможно, и эпических традиций (внешние контакты - выплата дани, войны, как правило, оставляют народную массу в неведении относительно внутренней организации жизни соседей). Надо, впрочем, сказать, что эпос даже в таких условиях наиболее трудно заимствуется (в ряду прочих фольклорно-поэтических, необрядовых жанров). Соседство славян с германскими народами, даже эпизодическое вхождение их в державу Германариха, в эпосе не оставило следов. Почти тысячелетнее сожительство бок о бок карел и новгородцев в Обонежье и Поморье не привело к взаимному усвоению героического эпоса. Причина этого в том, что эпос отражает тот духовный подъем, который испытывало племя, превращаясь в народ. И в позднейшей истории эпос оставался именно памятью открывшегося когда-то впервые самосознания нации. Понятно, что подобная внутренняя идея почти исключала возможность заимствования со стороны, столь обычную в жанре сказки или лирической песни, например. Эпос, скорее, мог отразить чужую

¹⁰ Иордан о происхождении и деяниях готов. М., 1960, с. 115.

эпическую стихию негативно, в образах «врагов». Так, можно предположить, что смешение славян с сарматами и пережитки савроматского матриархата у сарматских племен повлияли на создание образов поляниц преудалых русского эпоса - соперниц русских богатырей.¹¹

Надо сделать еще одно замечание общего характера. В эпосе, в форме, казалось бы, редкостных или «личностных» эпизодов отражаются, как правило, большие, значительные для всего народа события. Судьба героя как бы вбирает часть общенародной судьбы.

Итак, выясняется возможность взаимосвязей славян со скифо-сарматским миром в пределах второй половины первого тысячелетия до нашей эры - предположительно и уверенно - со II в. до н. э.

Все вышеизложенное, впрочем, еще никак не объясняет появления былины о Потыке. Одних реалий, одного соседства народов для появления сюжета мало. Надо, чтобы предание столкнулось с преданием, чтобы славянский герой-предок встретился со скифо-сарматским эпическим или мифологическим сказанием, в сюжетике которого могли бы найти место конкретные реалии в виде того же обряда захоронения. Надо, чтобы это столкновение преданий оказалось достаточно актуальным (общественно-интересным) для всего народа, только тогда мы вправе говорить о рождении эпического сюжета. Эпос, древнейший эпос, возникает на переломе от мифа, по принципу известного отталкивания, не исключаящего, однако, тесной связи. Поэтому столь часто древнейшие герои соперничают с богами и побеждают мифологических существ. Сознанию человека эпической поры необходимо, было прежде всего освободиться от духовных пут устаревшей родовой мифологии. Все прочие задачи не могли быть решены без решения этой, основной.

¹¹ Проблема неодинаковой способности к усвоению чужого в разных жанрах еще далеко не разработана, но уже первоначальные наблюдения свидетельствуют, что в жанрах обрядовых, например, возможность перехода сюжетов и смешения вообще значительно меньше, чем в необрядовых, а в некоторых чрезвычайно низка даже в пределах фольклора одного народа. Это относится не только к словесным формам, но и к этнографическим реалиям. Археологи, например, знают удивительное постоянство употребления на Руси височных колец (в границах древних племенных объединений) при чрезвычайной «подвижности» бус, серег, коптов, браслетов и прочих украшений, не связанных с обрядово-племенными традициями.

Можно ли, однако, найти соответствующее нашему сюжету мифологическое предание?

Здесь надо прежде всего выяснить облик Марьи - Белой лебеди. Имя ее столь же сложного состава, как и имя Потыка. Самым поздним является христианское имя Марья. В некоторых вариантах имя Марья тоже значащее, от «мара» (слово того же корня, что и манить, маять) или «мора» (кикимора, волшебница). Но, во всяком случае, изначально героиня всюду Лебедь белая. Несомненна также двуединая, птичье-змеиная природа Марьи. При этом в самом конфликте (когда она опускается в могилу) проявляется именно ее змеиная сущность. Так что даже и название Белой лебеди можно почесть уже вторичным, хоть и на очень древней стадии, связанным с какими-то древнеславянскими воззрениями, возможно, того же характера, что и отразившееся в «Слове о полку Игореве» в сходной ситуации, например с образом беды, подступившей со стороны «степи»: «Въехала обида въ силахъ Дажь-Божа внука, вступила дъвою на землю Трояню, въеплескала лебедиными крылы на синемъ морь у Дону плещучи, убуди жирня времена».¹² Что же касается «змеиного» существа Марьи Белой лебеди, то оно-то как раз и находит объяснение именно в скифских родовых преданиях.

Геродот, говоря о мифологии скифов, повествует, что они произошли от брака Геракла-Таргитая со змееной богиней, заманившей его в пещеру, где он и принужден был с нею жить, пока она не родила трех сыновей, ставших племенными предками скифов: Ариоксая, Колаксия и Липоксия. (Два имени расшифровываются: первое как «властитель Днепра» - Днепр-царь, второе как «властитель солнца» - солнце-царь. Имя Липоксай неясно). Заметим, что змееной богиня сама настояла на сожителстве с Гераклом-Таргитаем, который отнюдь не остался с нею и не взял детей с собой, т. е. в мифе отражены отношения материнского родового права. Заметим, что так же точно и Марья Лебедь белая сама настойчиво сватается за Потыка, предлагая ему взять себя в

¹² Цитирую по Екатерининской копии, с исправлением «въеплескаль» на «въеплескала».

жены.

Изображения змееногой богини имеются в ряде археологических материалов, в частности на бляшке из кургана Куль-Оба¹³ (лучшее), на бляшке из кургана Большая Близница¹⁴ (стилизованное), на бляшке и бронзовых навершиях из Александропольского кургана¹⁵ и, возможно, на украшении из кургана Большая Цимбалка.¹⁶ Изображена эта богиня с крыльями (вообще говоря, змееное существо должно или летать, или плавать, иначе передвигаться оно не может - не отсюда ли и «лебединая» сущность Марьи?).

Далее скифское предание рассказывает, как детям змееногой богини, братьям-предкам, упали с неба в дар золотые вещи: чаша, секира, плуг и ярмо. (По другой легенде, отец оставляет детям чашу с поясом и лук со стрелами. Эта легенда чисто «степная», так что можно предполагать, что первая возникла уже здесь, в связи с земледелием, на основе каких-то местных преданий племен земледельцев). Дары, по-видимому, говорят о разном жизненном предназначении. По легенде, они достаются одному, младшему, но вряд ли это изначальное толкование, поскольку смысловое назначение предметов (пиршественная чаша - власть, секира - воинские труды; плуг с ярмом - удел земледельца) говорит о предуказанном этими дарами реальном различии в занятиях племен скифского союза. (По «степной» легенде, двое старших сыновей не сумели натянуть тетиву лука и были изгнаны, а третий, Скиф, сумел, и стал родоначальником скифских царей).

Насколько популярна была эта скифская родовая легенда в последующие времена и у других народов? В рассказах арабов о стране русов и славян встречается указание на то, что Славянин, Рус, Кимари и Хазар были братьями, но рассорились и расселились (также, что Рус и Хазар происходят от одной матери и одного отца).¹⁷ «Братство» разных по этническому происхождению

¹³ Сокровища скифских курганов в собрании Гос. Эрмитажа. Прага-Ленинград, 1966, табл. 230.

¹⁴ Там же, табл. 308.

¹⁵ Там же, с. 67, рис. 130 и табл. 189.

¹⁶ Там же, табл. 186.

¹⁷ Тексты из анонимного сочинения «Моджал ат-Таварих» («Собрание историй»), составленного в

племен скорее всего и есть воспоминание о скифской родовой легенде (которая еще во времена Геродота могла распространяться на разноплеменные элементы скифского союза). Арабские авторы отмечают также влияние скифо-сарматского погребального обряда на обряд похорон знатных русов (правда, у русов обязательно сохранялось сожжение покойного со всем инвентарем и девушкой-женой, как это подробно описывает Ибн-Фадлан).¹⁸ В одежде русов арабы указывают те же остроконечные шапки, что показаны у скифов на вазах из Куль-Оба и Чертомлыка. Заметим, что все это уже IX в., а не II в. до н. э., когда скифские традиции были безусловно особенно живы.

Однако могут возразить, что в легенде о змееной богине идет речь о рождении, о происхождении племени, а совсем не о смерти-поглощении, не о попытке погубить героя (именно так истолковывает «договор» Марьи с Потыком В. Я. Пропп). Но так ли это?

И тут мы переходим к четвертому из поставленных нами вопросов - истолкованию первоначального замысла былины.

Вспомним прежде всего, что смерть и рождение в мышлении древних - это амбивалентные (взаимообратимые) понятия. В былине речь идет о браке, инициатором которого является Марья Лебедь белая. Она же предлагает и уговор: лечь живому с мертвым в землю. Поскольку захоронение производится на чужой, скифо-сарматской основе, нельзя не видеть во всем этом эпизоде воспоминания о матриархальных отношениях савроматов, образного выражения превосходства жены в брачных отношениях с мужем, наконец - возможного намека на ту пещеру, в которой Геракл-Таргитай был принужден к сожителству со змееной богиней.

Договор, предложенный Потыку Марьей, имеет целью погубить его, утверждает В. Я. Пропп, поскольку Марья всегда умирает первая. Задумаемся, однако, каков характер «смерти» Марьи, когда и с какой целью она «умирает».

1126 году (в кн.: Сборник документов по истории СССР, часть I, IX-XIII вв. М., 1970, с. 44, 48).

¹⁸ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956, с. 143-146.

Почему Потык так стремительно спешит в Киев, дабы исполнить уговор? Узнав о смерти Марьи, он прерывает шахматную игру, в гневе вышибает доской двери, кидается на коня и буквально летит, одолев за три часа трехмесячный путь. Так не скажут к своей смерти. Потык явно торопится что-то задержать, изменить, чему-то помешать, чему помешать еще возможно. Вспомним, что Марья в могиле превращается в змею в ограниченном числе северных вариантов вторичной редакции. Обычно к Марье приплывает змея, которая, «пролизав» гроб, пускает туда двух змеенышей, и они начинают сосать груди у Марьи (т. е. пить молоко!). Вспомним также, что «умирает» Марья всегда в отсутствие Потыка, а иногда, в случае своей беременности, сама заранее отправляет его за дичью (гусятинкой-лебедятинкой).¹⁹ Наконец, в большинстве вариантов Потыку вовсе не предлагается умереть, но только просидеть в могиле определенный срок (от трех дней до трех лет), и он берет с собой пищу на указанный период времени.

Все это заставляет отвергнуть предположение, что Марья изначально сама становится змеей и стремится погубить Потыка. Непохоже даже, что речь вообще идет о смерти как однозначном (конечном) понятии. Недаром же змееныши сосут грудь Марьи! Перед нами нечто, вполне отличное от смерти-уничтожения. Марья умерла, но только в одном смысле: она умерла для Потыка, и, возможно, хочет, чтобы и Потык «умер» для себя, для своего народа. Сама же Марья возвращается в свой род; возможно даже, что изначально она рожала детей, которые по закону материнского права должны были безусловно принадлежать ей, а не Потыку.²⁰ Перед нами, следовательно, смерть-рождение, с возвращением в род жены, т. е. ситуация, сходная той, в которой оказался Геракл-Таргитай, плененный змееной богиней. Брак Потыка с Марьей Лебедью белой отражает столкновение славян со скифо-сарматским миром, где брачный союз, как и союз славян со «степью», таит в себе опасность гибели -

¹⁹ А. Д. Григорьев, т. II, № 262, 272, 277.

²⁰ Можно предположить также, что змея, приходящая в могилу, связана с Марьей особой связью. Не родила ли она от змея? Но для такого предположения, существенно меняющего сюжет, в былинке нет достаточных данных.

поглощения героя. Но тут-то как раз и вступает в дело героическое эпическое начало, начинается спор с мифом, и торопливость Потыка лечь в землю с женой получает полное объяснение.

«Смерть» Марьи - продолжение спора о семейном праве, спора, усиленного национальным соперничеством. Эпический герой всегда защищает патриархат, безусловную власть мужа в семье, превосходство или стремление к превосходству мужа-богатыря над женой-поляницей и чародейкой.

Замечание Е. М. Мелетинского в споре с В. Я. Проппом, что, добывая жену из «того мира», герой соблюдает нормы уже уходящего в прошлое брачного обычая (жена из другой брачной группы, т. е. очень далекая), можно принять с тем, однако, что добытая таким образом жена становится личной (по законам моногамии) женой героя, т. е. все-таки, в конце концов, утверждаются патриархальные отношения. Поэтому, кстати, в развитии сюжетов подобного плана (в том числе и былины о Потыке) обязательно появляется тема «увоза» или «похищения» добытой жены в отсутствие мужа-героя, с последующими поисками и возвращением ее назад. Эстетика «увоза» или «кражи» жены во время отлучки героя связана с традицией группового брака, осуществляемого в отсутствие мужа его родичами по брачной группе. С боем возвращая жену, а иногда и «укрошая» ее, герой вторично утверждает право единобрачия, даже в период отсутствия мужчины в семье, т. е. патриархат.

Потык, славянский герой-предок, попав в ситуацию скифского мифа, действует, так сказать, «прямо наоборот». Проявляя свойственный «культурному герою» ум, он побеждает чужое начало (в образе змей), заставляет змею воскресить Марью, иначе говоря, возвращает себе Марью уже на основании мужского семейного права, как хозяину, чем тут же закладывается основа конфликта второй части былины, в которой поработенная Марья попытается удрать от своего повелителя-мужа.

Итак, смысл конфликта в том, что Потык одолевает в сложной и многообразной борьбе чужое скифо-сарматское начало, утверждая в форме

новых патриархальных отношений героическое самосознание племени. В добывании Потыком жены и споре с нею отразилось общенародное (племенное) столкновение славян со степными ираноязычными народами, некогда подчинявшими их своей власти, порыв к духовному высвобождению из-под гнета чужих обычаев, героический пересмотр неравноправного союза.

Добавим также, что конфликт былины, как всякий хорошо построенный конфликт, вобрал в себя целый букет дополнительных смысловых оттенков, или двучленных противопоставлений, свойственных славянской дохристианской религиозно-магической системе. Тут и противопоставление «своего - чужого», «мужского - женского», «мертвеца - живого», и образ моря как отрицательного начала, и контрасты ночи - дня (змея в могиле является в полночь), сухого и болотистого, грязного (Потык встречает Марью у «корбы, грязи черной») и проч.²¹ Все это обогащало сюжет, давало ему возможность различных истолкований, приурочиваний и уподоблений в последующие времена.

Каким образом, как и когда шло дальнейшее развитие сюжета былины, а именно - появление многочисленных эпизодов дальнейшей борьбы Потыка за Марью против разнообразных ее похитителей?

Да и было ли такое развитие, или же сюжет возник во всей своей многосоставной полноте приблизительно в одно время? От такого предположения приходится отказаться. Не говоря уже о том, что все эти части сюжета гораздо чаще варьируются, взаимозаменяются и проч., их внутреннее наполнение говорит уже о другой эпохе и другом подходе к сюжету. Потык тут уже не «культурный герой», побеждающий Марью в соревновании «мудрости», а богатырь, пытающийся противопоставить волшебнице Марье свою силу богатырскую. Тут уже и речи нет о его «волшебном умении», поэтому Марья многократно обманывает Потыка и спасает его только помощь друзей и влюбившейся в него Настасьи. Зато именно в этих частях сюжета Потык изображен как герой-богатырь, обладающий богатырской силой, богатырским

²¹ См. в названной выше книге «Славянские языковые моделирующие семиотические системы» (ч. 2, гл. 1, система противопоставлений).

конем, богатырским оружием, палицей («палкой железной»), доспехами, без которых он не может совершать своих подвигов. Он по-богатырски седлает коня, скачет не воротами, а «через стену городовую», один расправляется с сорока, шестьюдесятью и, наконец, ста тысячами врагов. Когда он идёт в терем, то гнутся ступени и сени колеблются, когда спит - шатер колышется в лад дыханию. Он по-богатырски рыцарствен, прям и честен, не может убить спящего врага и т. д. От его прежней «хитрости» мало что осталось, разве что редкостное умение играть в шахматы да тот легкий обман, когда он выезжает к сорока королям-королевичам, приехавшим за Марьей, в женском платье и сперва обманывает их, чтобы потом богатырски побить.

Итак, перед нами новый этап, новый период развития эпоса, когда «борьба духа» - победы над мифическими чудовищами - отошла в прошлое, период, наполненный звоном и грохотом сражений, походами и удалью богатырской. Географическое приуроченье тут тоже меняется. Вместо степного юго-востока оказывается иногда юго-запад, «ляшская земля», «земля подольская», а иногда некое «царство заморское». Все это поздние названия, которые свидетельствуют, однако, о каком-то принципиальном изменении даже географии былины.

Является ли период, отраженный этими частями былины, знаменитым «временем Владимировым», периодом сложенного киевского государства? В былине есть ряд особенностей, мешающих подобному предположению. Под позднейшей «киевской» основой угадываются более ранние пласты. «Киев», изображенный в этой части былины, как-то слишком просто и буднично подвергается вражеским нашествиям, при этом целью их является не сам стольный град, а Марья Лебедь белая. Богатыри в Киеве в пору нахождения вражеских ратей отсутствуют, причем - без всяких объяснений, почему это произошло. Очень неясны даннические отношения. Платят Владимиру, платит и сам Владимир - как повезет. Отсутствуют статически твердые территориальные представления. С одной стороны, враг может разорить весь город, с другой - богатыри отправляются «корить языки неверные, прибавлять земельки

святорусские». Потык, завоевав или выиграв «царство заморское», может остаться там царем. Владимир, в отсутствие Потыка желающий отдать Марью врагам, советуется с «мужиками киевскими», мнение которых оказывается решающим. Потык может отомстить тем же мужикам, прибавив несколько тысяч киевлян. Все это черты и черточки, которые не могли возникнуть во времена Владимировы. С другой стороны, ежели мы поищем исторические аналогии, которые ложились бы на эту поэтическую картину, то без труда найдем их хотя бы в «Стратегиконе» Псевдомаврикия (конец VI в.), где специально рекомендуется нападать на славянские поселения порознь, крупными силами, чтобы соседи не успели подойти на помощь. (Вот откуда родилась поэтическая формула, кочующая из былины в былину, - отсутствие богатырей в Киеве!). Найдем созвучие нарисованной картине и в бурных событиях ранней киевской истории, когда первые наши князья усиленно «покоряли языки» и приращивали земли, доходя даже до Кавказа. Найдем созвучие и в более ранних событиях, когда приходилось-таки платить дани-выходы тем же хазарам, например.

Итак, перед нами, по-видимому, тот собственно героический период IV-VIII столетий, стержнем которого является для славян VI век. Изменилась былина, приобретя отчетливые черты воинской героики, изменился Потык, изменилась и Марья, превратившись окончательно в колдунью-чаровницу, с которой герой вынужден в конце концов расправиться, поскольку трансформироваться в образ верной и послушной жены наподобие иных «поляниц преудалых» Лебедь белая уже не смогла.

Последующей, киевской (раннехристианской) поре осталось доделать сравнительно немного. Потык был введен в круг киевского богатырства, что выглядит все же не вполне органичным, его «служение» достаточно эфемерно, чувствуется простая прикрепленность к киевскому циклу уже готового и, возможно, не киевского по происхождению сюжета.²² В «киевскую» пору

²² На это как будто намекает эпизод расправы Потыка с мужиками киевскими, как и указание на то, что его венчал с Марьей владыка черниговский. Возможно, эпизод расправы навеян реальными расправами князей во время смут при детях Ярослава Мудрого. Соперничество черниговцев с

появляется и образ калики-спасителя. Потыка. Калика этот, как можно предположить, первоначально был не Николой Можайским, а Михаилом Архангелом, предводителем ангельских ратей, и от него-то, а не от Михаила из Потуки, и получил Потык свое второе, христианское имя. Еще позже произошла переориентировка на Литву и литовского короля.

Каким образом изменялась на протяжении всех этих веков поэтическая система былины?

Прежде всего отметим, что такое характернейшее свойство поэтики эпоса, как гиперболизация, в древнейшей части сюжета как раз почти не находит себе места. Герой тут побеждает «хитростью», которая сама по себе еще не требует как непрямого условия богатырских сил.

Строго говоря, на стадии «культурного героя» мы далеко не всегда можем говорить об эпосе. Предания о культурных героях связаны с мифом и зачастую переходят в миф. Кроме того, по форме они представляют собою прозаический, поэтически неорганизованный рассказ. Что же касается эпоса, то он, как правило, пелся. Исключение - ирландские героические саги, которые, впрочем, тоже имели значительные стихотворные вставки, а слог их прозаической части по своей образно-эмоциональной приподнятости равнялся поэтическому слогу поющих эпосов. Еще более общей чертой всех эпосов является гиперболизация особого, эпического характера. В отличие от фантастической гиперболы мифа, прилагаемой к явлениям, противостоящим миру людей, и от сатирической гиперболы позднейших художественных направлений, которая заостряет отдельные черты действительности ради комического эффекта несоответствия (ею, в частности, пользовался Рабле), гиперболизация в эпосе является основным способом серьезной художественной типизации, способом создания образа героя, причем система эпических гипербол преувеличивает бытовые, человеческие, так сказать, черты персонажей, отчего герои эпоса, не переставая быть людьми, получают ту пленяющую нас и через века величавость,

киевлянами было достаточно острым, чтобы хоть так отразиться в эпосе.

скульптурную крупность и общенародную значимость, которые отличают и выделяют эпос среди всех других форм, видов и жанров словесно-поэтического творчества.

Но мы видели, что древнейшая часть былины почти лишена гиперболизации. Можно ли говорить в таком случае, что сюжет в своей древнейшей части уже являлся эпосом, или перед нами предание, переработанное в эпическую форму позднее? Как появляется характерная эпическая форма?

Приглядываясь к действиям «культурного героя» доэпического периода (масса примеров приведена в вышеназванной книге Е. М. Мелетинского), мы видим следующее. Герои-предки на этой стадии уже борются с мифическими существами, что характерно для эпических героев, но в описании их самих еще отсутствуют, понятия меры и величины. Тот же сибирский, ворон произвольно принимает совершенно разные размеры, вернее сказать, понятия точного размера для него еще нет. Братья из индейских преданий народа майя,²³ Хун-Ахпу и Шбаланке, играют в мяч с «владыками Шибальбы» - богами подземного царства, что как будто говорит о «сходных размерах», но, вынужденные ночью остерегаться убийства, прячутся внутри своих выдувных трубок, причем рассказчик отнюдь не озабочен таким «нарушением правдоподобия», он не говорит, например, что они уменьшились или превратились в какие-то мелкие существа. И в своих прочих подвигах братья выглядят то почти великанами, то - малыми детьми. Если же мы обратимся к раннему эпосу - будь то эпос сибирских народов или «Гильгамеш», - то увидим, как вдруг для певцов открылось понятие меры. Творцы эпоса начинают подчас даже «играть в размеры», преувеличиваться начинают сами метрические понятия. Именно так следует понимать и тот пример невероятной гиперболы из якутского эпоса, который приводит В. Я. Пропп. Описано, сколько десятков сажень в объёме стан, бедра, плечи богатыря, что, кажется, должно говорить о

²³ Пополь-Вух. Перевод с языка киче. Издание подготовил Р. В. Кинжалов. М.-Л., 1959.

раблезианских размерах героя, но в заключение певец прибавляет: среди других людей герой выглядит, как вожак-самец в стаде важенок. И все становится на свои места. Вот это открытие «меры», начавшуюся потребность «измерения», и следует почесть тою чертой, которая кладет грань между преданием и эпосом. С этим открытием меры внешней открылась, видимо, и мера ритмическая, эпос стали петь, он получил свою поэтическую форму.

Можем ли мы обнаружить в древнейшей части «Потыка» названное представление о мерах вещей? Да, можем. Вся процедура захоронения предусматривает наличие такой меры. И размеры могилы, и потребность в запасах, и обстоятельства захоронения требуют как исходного условия, чтобы герой и героиня соответствовали каким-то точным человеческим измерениям. Т. е. Потык в самом зародыше сюжета выступает уже не как безмерное (великое - малое) мифическое существо, а как персонаж, наделенный реальной земной плотью и человеческими пропорциями. Пелась ли былина в те далекие времена? Ответить на этот вопрос утвердительно можно только по аналогии. Но аналогия в этом случае не знает исключений. Рождавшийся эпос скорее на поздней стадии, при переработках-пересказах, принимал прозаическую форму, создавался же он, возникал всегда в готовой метрической песенно-повествовательной форме.²⁴

Как говорилось выше, образ Потыка был существенно дорисован и изменен в «героическую эпоху». Однако певцы вынуждены были считаться с характером сюжета и с характером уже созданного героя. В его облике культ физической силы и духовной одноплановой бескомпромиссности развитого воинского эпоса не мог быть выражен в полной мере. В отношении Потыка к Марье Белой лебеди с точки зрения позднейшего богатырского мышления есть срывы, поэтому в последующем развитии сюжета, когда Потык вошел в состав богатырства киевского, его спасают Илья Муромец с Добрыней (перед Ильей

²⁴ Можно поставить под сомнение и исконность прозаической формы ирландских героических саг. Возможно, дошедшая до нас запись была рассчитана на речитативно-напевное исполнение с богатой импровизацией, еще более приближающей эту «прозу» к стихам.

даже волшебница Марья бессильна). Еще в более поздней традиции Потык даже начинает осуждаться за неумеренную страсть к жене (характерен эпизод, когда Марья, лежа с похитителем, предлагает Потыку повалиться рядом), хотя в основе конфликта, как мы видели, лежит отнюдь не мотив страсти. Помогает подобному частичному развенчанию Потыка опять же закономерность развития поэтики. Эпическая гипербола «военного» эпоса начинает чуждаться элементов волшебства, «хитрости», присущих героям раннего эпоса. В эту пору «обычное», превращаясь в «большое», и дает образ богатыря. Итак, гиперболизация нарастает (а де падает, как утверждал Б. Я. Пропп) по мере движения от ранней стадии эпоса к героической (раннегосударственной).²⁵ Поэтому герои, в облике которых древних черт сохраняется больше, начинают подчас уступать тем, образы которых в полной мере гиперболизированы. Так, Потык в последующих частях сюжета уступает Илье Муромцу (а иногда и Добрыне, в поздних северных редакциях).

Любопытна судьба образа Потыка и в историческое время. Поскольку сохранились записи XVII в., то можно заглянуть достаточно глубоко в русское средневековье, без боязни ошибиться и принять позднейшие толкования за первоначальные.

Потык в этой редакции стоит особняком и противопоставлен как князю Владимиру, так и киевлянам. Владимир поначалу просит Потыка уступить Марью ему, князю, на что Потык не очень любезно предлагает Владимиру самому съездить на сине море за невестой. В дальнейшем, когда приходят враги, требуя Марью, князь советуется с мужиками и те соглашаются: мол, доселе к нам не приходили, и отдадим - не придут, а что касается Потыка, то предложим ему выбрать жену хоть из княгинь, хоть из боярынь, хоть из купчих, хоть из посадских - из кого угодно. «Собаки киевляне! - восклицает Потык, узнав о позорном соглашении. - Одевались бы своими женами и дочерьми, а я за свою сам биться стану!». Князь оказывается дальновиднее, предрекая, что за выдачу

²⁵ Мы здесь не касаемся обстоятельств географического и национального характера. Эпосы востока (и Сибири), вообще говоря, более гиперболизированы, чем эпосы народов запада.

жены Потык отомстит, что и случилось впоследствии. Когда умирает Марья, и Потык собирается лечь в могилу, Владимир изо всех сил отговаривает богатыря, но опять следует ответ: «Знай всяк свое дело!».

Перед нами конфликт, какого еще не было в известных, многократно разобранных былинах. Сталкивались богатырь и власть, богатырь и враг, богатырь и бояре толстобрюхие. Но здесь и не бояре, и не князь даже, а трусливые мужики, которым та беда хуже, которая ближе, наивно полагающие, что, не все ли равно на ком жениться, с кем жить, причем все эти решения производятся, естественно, «за чужой счет». Богатырь против мещанства. Осуждение мещанской узколобой трусости с точки зрения великих принципов древней эпической морали - вот неожиданная на первый взгляд тема былины в этой редакции. Что же касается поведения Потыка, то тут мы видим упрямое делание «своего» дела (оно к тому же и дело общенародное), делание дела от осознания того, что так нужно, без речей, без слов, даже без доказательств. Эпос, конечно, не знал и не мог знать того надрыва, когда дело делается уже «сверх сил, не знал он и коллективности деяния - не умел ее изображать, подобное не умещалось в нормы эпической поэтики, но зато в полный разворот, в полный рост показывал эпос суровую правду личного подвига. Понятно, почему, братаясь «на расстанях», Потык и получает место сразу за Ильей Муромцем, впереди Добрыни. Так оценил народ бескомпромиссный нрав своего богатыря.

Есть в Потыке и русская одержимость, когда во время игры в шахматы ставит он на кон свою голову, и бестрепетность: никогда, уходя в могилу, не просит он о помощи. Князь Владимир или богатыри по своему почину устраивают дежурство на могиле. Есть в нем, правда, подчеркнутая уже поздними вариантами, и русская «упадчивость» на вино.

Отношение Потыка к Марье (особенно в древних редакциях) не есть безоглядная влюбленность. Тут и настойчивость: добиться своего во что бы то ни стало, и стыд (дети будут смеяться, что жену отдал), но больше всего великодушия. Нагоняя Марью с ее любовником и слыша льстивые уверения,

что-де она ждала его, кается и хочет домой, Потык каждый раз поддается на ее речи, лишь вздыхая про себя: «Вот, баба, верно, и правда, хочет жить со мной по-старому!». Так что в поведении его не очень верно находить только страсть. Скорее, можно сказать, что он настойчив и добр. По доброте он и прощает Марью многократно, рассуждая: ну, баба, ну, увлеклась! Он -: мужик, к нему еще не пристала мораль позднейшего средневековья. Он добр по-крупному. Даже на конечный акт казни Марьи его побуждает Настасья. Он и тут чуть было не забылся и не простил жену.

Трудно сказать, к какому славянскому племени или группе племен можно прикрепить создание древнейшего сюжета этой былины. Все вышеизложенное позволяет предположить, что «Потык» относится к южной, антской или словенской, эпической традиции, традиции зарубинецких племен. Точнее сказать пока ничего нельзя.

В дальнейшем развитии сюжета Потык оформился в очень русского, с порывистой размашистостью и страстностью природы героя, целеустремленного, великодушного и прямого, героя не менее колоритного и национального, чем названные в начале статьи широко известные богатыри, образы которых вошли в наш литературно-художественный обиход.

II. МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

Былина о Вольге и Микуле относится к числу редких, известна на очень ограниченной территории, в малом числе записей, большей частью дефектных или неполных. Так что от тезиса о чрезвычайной популярности этой былины в народной среде, выдвинутого В. Я. Проппом, надо сразу же отказаться.²⁶

Вместе с тем, и тут маститый исследователь совершенно прав, в широком общественном резонансе, который русский эпос приобрел на рубеже веков, образ Микулы Селяниновича получил популярность едва ли не большую, чем все прочие богатыри, не исключая и Ильи Муромца. Достаточно вспомнить

²⁶ См.: В. Я. Пропп, с. 374 и след. Библиография сюжетов: А. М. Астахова. Былины Севера, т. II, с. 712.

стихи Некрасова, картины и иллюстрации Врубеля, Билибина и многих других, посвященные Микуле, а главное, те бесчисленные уподобления и сравнения, которыми буквально полнится русская литература тех времен и в которых богатырь-пахарь ассоциируется впрямую с русским крестьянством, поднимающимся на борьбу с самодержавно-помещичьей властью.

«Мы знаем, - пишет В. Я. Пропп, - что создателем и носителем эпоса в первую очередь было крестьянство, но до сих пор, на всем протяжении развития эпоса крестьянина мы не видели, не считая эпизодических, случайных упоминаний о нем... В былине же о Вольге и Микуле Микула герой именно как земледелец, как пахарь. Такая былина могла сложиться только тогда, когда классовые противоречия настолько обострились, что крестьянство уже начало сознавать себя и свое значение и противопоставлять себя другим классам».²⁷ Временем этим В. Я. Пропп называет XIV-XV вв.

Акцент на крестьянском существе эпоса в устах В. Я. Проппа понятен как реакция на теорию аристократического происхождения былин, теорию неглубокую, отдающую вульгарным социологизмом (поскольку она опрокидывает поздние-классовые отношения в глубь веков). Нам кажется, однако, что вопрос о классовой принадлежности творцов былин следует ставить в иной плоскости. Эпосы вообще складываются в догосударственном периоде, в эпоху военной демократии, идеологически и эстетически характеризуемую классовой неразделенностью культуры. Вожди - племенная верхушка и воины - граждане племен жили, одевались и украшали себя в общем одинаково. Эпический певец пел одна и то же и в избе, и в тереме или шатре племенного вождя. Правящий класс еще не имел средств полицейского принуждения и обращался к «рядовичам» как к своим братьям, сородичам, используя общеплеменную художественную идеологию. Эпос рождался как общенародное искусство, и в этом его непреходящее значение во все последующие века. С утверждением феодализма господствующие классы отказываются от эпической

²⁷ В. Я. Пропп, с. 374.

поэзии. На западе ее вытесняет рыцарский роман. У нас также эпос остается достоянием народа, который с позиции эпических, т. е. общенациональных интересов, начинает судить представителей правящего класса, изменивших этим интересам в своекорыстных целях. Такая точка зрения существенно отличалась от узкой классовой, хотя бы и класса крестьян! (Об ограниченности крестьянского сознания хорошо говорил Ленин). В былинах, в рамках эпического мышления народ подымался до самой главной идеи - идеи общенародного единства, которая неизбежно, при любой формации, возрождается вновь и вновь в грозные периоды чужеземных нашествий, когда приходится всем гражданам бок о бок вставать на защиту независимости страны.

Присовокупим, что датировка былины XIV-XV вв. как временем, когда крестьянство стало противопоставлять себя другим классам, не выдерживает критики. Классовое самосознание у крестьян оформляется позже.

Спорно и утверждение В. Я. Проппа, что «Вольга получает не удел в управление, а вотчину в собственность», что Вольга - типичный феодальный князь эпохи XIV-XV вв.²⁸ Тут перед нами явное историческое недоразумение. Достаточно сослаться на фундаментальные исследования советского историка Веселовского в области феодального землевладения удельной поры, в которых убедительно доказывается, что подобный принцип пожалований в XIV-XV вв. уже был архаичен, что в эту эпоху, напротив, развивается пожалование земель в службу, а не в вотчину, на основе чего и складывается военно-служилое сословие помещиков, что вместе с тем вотчинник старого типа, получивший вотчину в предшествующие века, сидел у себя на земле, а не ездил туда «за получкою» и что, следовательно, нарисованная в былине картина (невзирая на термины «пожалованье», «вотчина», «крестьяне» - все эти названия могли в веках меняться многократно) не соответствует даже и эпохе образования вотчинного землевладения. Вольга едет в города (непременная черта!), а не в села, причем города, враждебно настроенные, которые надо чуть ли не

²⁸ Там же, с. 376.

завоевывать, чтобы собрать «получку», т. е. дань. Перед нами картина далекого - относительно развитого средневековья - прошлого, картина раннего собирания земель вокруг Киева, когда мифический Рюрик «подавая грады мужам своим», когда, скажем, муромский князь, получив свой удел, чуть ли не штурмом брал затворившийся город, когда, с другой стороны, еще не было речи о сельских землях, ибо грады древней Руси были племенными центрами и, чтобы собрать дань, надо было именно занять такой племенной центр и оттуда, через племенную старшину, собирать доходы. Положение это изменилось с утверждением феодальных отношений, когда управление деревенским миром перешло непосредственно в руки феодала-землевладельца. В былине же перед нами явная раннекиевская Русь (строго говоря, дофеодальная Русь), и до развитого феодализма тут ещё далеко.

В. Я. Проппу приходится, далее, вопреки сюжету былины, доказывать, что Микуле-крестьянину незачем было помогать феодалу Вольге покорять других крестьян. Меж тем сюжет уже прямо противоречит подобному истолкованию. Всюду, во всех вариантах, Вольга с Микулой очень уважительно приветствуют друг друга. Микула немедленно едет покорять «мужиков», а подчас Вольга намеренно ищет Микулу Селяниновича, ибо без его помощи не чает справиться с разбойными данниками. Более того, и сам Микула, как выясняется, был обижен мужиками из Гурчевца-Ореховца, напавшими на него с требованием дани во время поездки за солью!

Стоит поставить, однако, вопросы: а та ли это эпоха? что это за мужики? - как подобное недоразумение рушится само собой. Допустим, что мужики Гурчевца-Ореховца - это представители чужого, враждебного племени. Тогда крестьянину Микуле и впрямь нужно помогать князю в войне.

Кстати, В. Я. Пропп сам относит сложение сюжета к южной Руси, а соляные пути указывает северные, перечисляя источники соляной торговли Новгорода Великого: морская соль через Каргополь, импортная через Неву-Ладугу и соль из Соли Вычегодской (почему-то не назван главный

поставщик новгородской соли - Старая Русса). Ни на одном из этих путей не было и не могло быть сухопутного разбоя. Новгородцы прочно утвердились в Поморье, и разбойничать тут не дозволялось. Иную картину являл соляной путь южной, Днепровской Руси, идущий через половецкую степь, извечно опасный в силу постоянного движения кочевых народов.

В целом надо сказать, что перенос времени сложения былины в развитое средневековье, с поисками в ней поздних классовых конфликтов, помимо воли автора, сужает идейное истолкование сюжета. По сути, В. Я. Пропп анализирует даже не былину в ее поздней крестьянской интерпретации, а отражение образа Микулы в прогрессивной художественной и общественной мысли конца XIX-начала XX в.

Добавим, что стилистика, показатель для нас особенно важный, также решительно противоречит названной дате. В XIV-XV вв. влиятельны иные эстетические нормы, создается баллада, стилистика которой во многом прямо противоположна стилистике эпоса.

Перечень прежних истолкований «Вольги и Микулы» и их разбор приводит В. Я. Пропп в своем труде. Его критику можно принять с двумя замечаниями. Мы бы не решились так легко отбросить гипотезу Ореста Миллера (Вольга и Микула - божества охоты и земледелия), как бы ни устарели сейчас представления мифологической школы, и, во-вторых, не решились бы отрицать факт союза Вольги с Микулой, ибо Микула действительно помогает Вольге.

Б. А. Рыбаков в названном выше труде пытался истолковать сюжет с позиций исторической школы. Он сопоставляет Вольгу с Олегом Святославовичем, братом Владимира, княжившим в Деревской земле в 970-977 гг. Сама идея обратиться к идеологической борьбе того времени могла бы быть плодотворной, но, к несчастью, все портит опять методика исторической школы. Б. А. Рыбаков ищет в истории точного соответствия имени-отчества Вольги, не замечая, что Вольга былинный столь же последовательно назван племянником Владимира, коему Олег Святославич как-никак приходился братом. Не замечает

Б. А. Рыбаков, что отчество Вольги в былинах чаще всего Всеславъич, а отнюдь не Святославич. Уходит автор и от сопоставления Вольги с княгиней Ольгой (фигурирующей в ряде летописей как «Вольга»). Решительная правительница, устроительница земель, «мудрейшая из мужей» вполне могла принять через века мужской облик. Короче, текучесть, зыбкость текста Б. А. Рыбаков и тут не принял во внимание. Сверх того, все равно оказалось совершенно непонятно, почему такой в общем проходной эпизод династической борьбы, как сбор войска Олегом, отражен эпосом, а сама трагическая гибель Олега, война, варяжская проблематика и проч. оказались за скобками? Да и сюжет былины явно не вмещается в предложенные рамки. Олег, погибший у своего города во время панического бегства рати, и Вольга, отправившийся куда-то собирать дань, - слишком несхожие фигуры. Даже остроумное сопоставление былинных городов с городами Деревской земли не помогает делу. Почему не предположить, что под Гурчевцом скрывается не Вручий, а Корчев и, следовательно, Вольге выпала задача ехать по дань в Тьмутараканское княжество, как раз по направлению древнего соляного пути, где знание Микулой этой дороги вполне могло ему пригодиться? (Княжество разноязычное, вечно беспокойное, которое приходилось покорять не раз и не два, громя непокорных и вполне реальных хазар, аланов и косогов - «мужиков-разбойников»). Почему не предположить, что перед нами смутное воспоминание о неудачной борьбе с хазарами за Тьмутаракань вещего Олега, как известно, вынужденного временно отступить (одолеть хазар позднее сумел Святослав). Тем паче - Олег воевода, он был прозван «вещим». Ему ли было не ездить к городам за получкою! Почему не допустить, что при этом именно борьба за соль была особенно важной для крестьян-пахарей центрального Поднепровья?! Впрочем, не будем в споре с Б. А. Рыбаковым применять методичку той же исторической школы, как бы соблазнительна она ни была. Подойдем к сюжету былины как к совокупности версий.

Если отвлечься от покоряющей красоты Рябининского текста, то

обнаруживается, что былина имеет по крайней мере три версии сюжета, отличающиеся существенной перестановкой частей и смысловыми акцентами. Далеко не всегда действие начинается и заканчивается с узнавания. По второй версии Вольга специально ищет Микулу, по третьей узнаванию предшествует совместный поход к непокорным городам. Что же касается Рябининского варианта, то к нему у Рыбникова есть прозаическое добавление о совместном походе и заезде на обратном пути Вольги в гости к Микуле.

Подчеркнем еще, что следует обратить особое внимание на коренные особенности композиции, ибо в устной передаче крепче всего сохраняется именно костяк, основное зерно сюжета, а подробности меняются согласно со своей эпохой. Скажем, конкретная цена Микулиной кобылы - 500 или 1000 рублей - не принадлежит древнему времени. Цена и название денег (гривны, куны, резаны и т. д.) менялись от века к веку, сохранялась сюжетная конструкция ошибочной и истинной оценки чудесной кобылы. Можно принять исправление А. К. Югова: не «грудью пошла», а «грунью» - легкой рысью. Можно предположить, что и сами элементы соревнования менялись, что денежная оценка могла и вовсе отсутствовать - при сохранении эпизода превосходства Микулиной кобылы над конем Вольги. Но вот что Вольга перегнал бы Микулу - этого, допустить нельзя, ибо тут уже - суть корневой сюжетной конструкции, от которой зависит весь смысл былины.

Внимание наше мы сосредоточим на Микуле как главном лице былины (анализ образа Вольги требует особого подхода в связи с возможными историческими параллелями). Спросим сразу: является ли изначальным имя героя - Микула Селянинович? Имя-отчество, естественно, явление позднее. Сверх того, имя Микула - христианского происхождения. С другой стороны, «Селянинович» (хотя имя Селянин было еще в средневековой Руси!) в данной конструкции звучит явным прозвищем. Это Микула сельский, что соответствует и его занятию, пахоте. Но Микула ли он? В вариантах он называл Викулой. То и другое, могло явиться, заменой еще более древнего, утерянного для нас имени.

Трудно представить, что русский эпос дошел до XIX столетия целиком, а не в обрывках. В ряде случаев эта отрывочность, случайность сохранившихся сюжетов явственно прощупывается. Соловей Будимирович некогда воспринимался как богатырь. Мы знаем лишь о его сватовстве и богатстве. Неполный перечень дружинников Василия Буслаева, даже в сохранившейся части называет героев, о подвигах которых нам неизвестно ничего. Даже в циклах наиболее известных - об Илье, Добрыне — есть явные лакуны. Наибольшие потери, конечно, происходили при перестройках общественных и эстетических систем, т. е. больше всего сюжетов догосударственной поры унесло переоформление эпоса, в киевскую эпоху. Что, например, мы знаем о подвигах Святогора? Его имя дошло до нас лишь потому, что оказалось сюжетно связанным с именем Ильи Муромца. Былина о Вольге и Микуле представляется нам таким величественным отрывком, айсбергом, обломком гигантского исчезнувшего поля. Отчество поляницы преудалой, Настасьи Микуличны, как будто, говорит о целом цикле преданий, в которых Микула Селянинович, возможно, играл роль родоначальника богатырского рода, и главы какого-то сообщества богатырей, какого-то не дошедшего до нас богатырского круга, отражавшего поэтическую героину одного из древних славянских племен. Чего стоит предание, что тяга земная, на которой надорвался Святогор, сброшена не кем иным, как Микулой Селяниновичем!

Прозой досказали Рыбникову, что Вольга после похода заезжал в гости к Микуле, что у Микулы было три дочери-поляницы: Василиса, Настасья и Марья. Подробное рассмотрение редакций показывает, что все это не досужий вымысел Рыбникова, что, видимо, Илья Елустафьев еще знал продолжение былины, и великолепный текст Трофима Григорьевича есть лишь зачин, встреча-узнавание, впрочем, чрезвычайно важный именно сам по себе, ибо открывает нам образ Микулы. В пудожской редакции сперва происходит поездка за данью, а потом состязание коней и узнавание имени Микулы. В толвуйской - Вольга намеренно ищет Микулу, что очень в духе эпоса (есть надобность в подвиге и ищется тот

единственный, кто этот подвиг способен совершить).

Самое воинское предприятие двух героев несколько туманно. Ясно только, что, с одной стороны, мужики Гурчевца-Ореховца сопротивляются, с другой - сопротивление имеет характер прикрытого коварства (подпилены мосты и проч.), а Вольга с Микулой не столько истребляют, сколько «учат», наказывают, приводят к покорности жителей, по каким-то прежним условиям обязанных быть покорными (Вольга как-никак пожалован городами!).

Впрочем, явно, что интерес сюжета и в древности уже был сосредоточен на чудесно-могучем помощнике Вольги, который приходит как-то со стороны (вспомним встречу Святогора с Ильей Муромцем). Конструкция былины такова, что она как бы намекает: неизвестный Вольге пахарь есть в другом кругу отношений вполне известное лицо. Что же это за круг отношений?

Начнем с того, что Вольга тоже не лыком шит. Он кудесник, оборотень, он способен оборачиваться волком (вспомним невра Герадота и волков-оборотней белорусских легенд), щукой-рыбою (священной рыбой чудской мифологии), соколом, наконец (излюбленной птицей княжеских охот, возможно, некогда также священной). С другой стороны, Микула (после их взаимной уважительной встречи!) оказывается чудесным пахарем, превосходит Вольгу в силе, что выясняется эпизодом с сохой, превосходит и в соревновании коней. Состязание между героями, таким образом, происходит отнюдь не в поединке и не в рыцарских доблестях. Это состязание в присущих каждому герою способностях, в значительной мере магического характера (вспомним спор-состязание Вьянмейнена с Ёкухайненом в «Калевале»). Перед нами черта, присущая ранним эпосам на стадии «культурного героя».

В процессе исторического развития герой-предок может стать богом, а может перейти в эпос и в сражении-состязании уступить место герою нового времени (как Святогор Илье). Можно бы ожидать в этом плане следующих конфликтных ситуаций: Микула похищает у оборотня Вольги некий магический дар или, наоборот, Вольга у Микулы похищает или получает нечто ему

необходимое (как Илья получил силу и меч Святогора). Однако и та и другая схема здесь не подходит. Свойства Вольги видимым образом не нужны Микуле, а Микулины - недоступны Вольге. Столкновение Вольги с Микулой не соответствует прямому, так сказать, развитию эпоса от мифа, скорее перед нами столкновение-соревнование двух эпических систем, представителем первой из которых, взятой на вооружение киевским княжеским домом, является Вольга, а второй - Микула Селянинович.

Ясно во всяком случае, что Микула не просто пахарь, не просто герой-мужик. Он зашифрованно передает свое имя, вернее, не имя, он даже и имени не говорит, а говорит прозвище, вкладывая его в чужие уста (цитируем по тексту Т. Г. Рябининой):

— А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужичков напою.
Станут мужички меня покликивати:
Ай ты молодой Микулушка Селянинович!²⁹

Перед нами несомненно речи «культурного героя», героя-предка, создателя благ, основных для своего народа. Здесь - пахота, хлеб, пьяный напиток из хлеба (древние славяне варили пиво из проса). Попутно скажем, что идея возвеличивания крестьянского труда, как утверждает В. Я. Пропп, здесь есть, но она, так сказать, вторична. «Труд Микулы воплощает крестьянский идеал труда» - все так, но неясно, что же это за мужички, которых Микула должен, единолично вспахав и собрав урожай, еще и поить? «Снятие урожая есть общий народный праздник»³⁰ продолжает В. Я. Пропп. Однако этот общий праздник устраивается одним человеком для всех других! Подобная

²⁹ А. Ф. Гильфердинг, т. II, № 73.

³⁰ Там же, с. 382.

конструкция, подобная схема отношений возможна только в одном единственном случае, когда перед нами «культурный герой». Он пашет один - ибо он тот, кто изобрел пахоту. Он собирает урожай один - ибо учит всех этому занятию. Он поит всех один - ибо прочие еще не умеют делать хмельной напиток.

Тут уместно вновь вспомнить скифов-пахарей Геродота, получивших с неба золотой плуг. Золотой плуг Геродота и золотые наральники Микулиной сохи, учитывая все прочее, очень уж совпадают. Много гадательно в этом сопоставлении, и прежде всего неясно, были ли скифы-пахари предками славян или каким-то посредническим звеном, однако и в этом случае легенда могла стать в дальнейшем славянской. Как увидим ниже, есть в самой былине подробности, позволяющие считать соху Микулы орудием волшебным и, возможно, связанным с иной, небесной субстанцией.

Относительно сюжета былины можно сказать, что он сложился в пору собирания Руси (возможно также, что Вольга вобрал черты князя Олега и княгини Ольги). Однако в былине Микула Селянинович действует как чудесный помощник из древнейших эпических преданий, т. е. его образ мог сложиться гораздо раньше, и даже на много веков, скажем - в пору начальной экспансии славян в Поднепровье. Вряд ли также превращение Микулы в этического богатыря произошло слишком уж поздно, ибо в художественном строе былины его богатырские черты есть, так сказать, изначальная необходимость. Чтобы увидеть, как «культурный герой» стал героем эпическим, проанализируем художественную конструкцию образа Микулы.

Ехал князь за полюдем, встретил пашущего мужика, увидел, что мужик сильный и дорогу знает, пригласил с собой. Тот оставил соху и поехал с князем...

В таком виде трудновато узнать нашу былину, и прежде всего - Микулу Селяниновича. Между тем если освободить сюжет от его художественной формы, то остается именно сказанное выше. Заметим, что не только образ Микулы, но и идея, глубинный смысл, который искали и ищут в эпосе, тоже

ушел начисто при подобной операции. Сюжетная схема, начертанная выше, стала одной из величайших былин русского - не скудного и в остатках своих, дошедших до XIX столетия, - эпоса именно благодаря эпической художественной системе, системе эпических гипербола.

В былине применен принцип сопоставления превосходного с лучшим.

Величие Микулы прежде всего оттенено превосходными качествами Вольги, «похотевшего» и получившего «много мудрости». Вольга всемогущ, однако уже в описании оборотничества приоткрывается несколько недобрый, хищнический характер его «мудрости», распугавшей все живое (уходила вся рыбушка во глубокое море, убежали все звери во темные леса, улетали все птицы за оболочи). Такая подробность служит дополнительным контрастом для творческой, созидательной деятельности Микулы. Образ Микулы раскрывается также постепенно, по закону ступенчатого нарастания.

1. Микулу еще не видно, его слышно. Слышны его характерные выкрики, которыми он направляет коня. Как современная пахота характеризуется стрекотанием трактора, так когда-то она характеризовалась этими выкриками пахарей (сравни в «Слове»: «тогда по русской земле редко ратаево кикахуть, не часто врани гряхуть...»). Один образ, одна деталь, как сказали бы мы, но зато какая! Даже в языке слово «орать» (пахать) сохранилось в своем переносном смысле - «кричать» (сперва ироническое: мол, кричишь, а не пашешь). Т. е. перед нами самая типичная из внешних примет пахаря. Но вот тут и обнаруживается особенность эпоса. Это массово-типичное, данное, скажем, в «Слове» в художественном параллелизме, в былине окружено характерной гиперболичностью. Вольге с дружиной голос Микулы слышен за двенадцать верст, а то и за полтора или два с половиной дня конного пути! (Отметим тут некоторую смысловую неточность В. Я. Проппа. Микула отнюдь не так быстро пашет, что его трудно нагнать. Пахать столь быстро нельзя, ибо пахарь все время движется взад и вперед, а не ведет бесконечную борозду в одном направлении. «Не могут наехать пахаря» - значит не «настичь», а «достичь», доехать до

чего-либо).

2. Ратай наконец показался. В образной системе мифа должно бы ожидать гороподобное существо, но - ничуть. Описание тут построено на превосходных степенях, но эта идеализация родственна, например, свадебной, где одеяло всегда соболиное, очи ясного сокола, брови черного соболя и т. д. То, что в облике Микулы нет черт собственно богатырских, опять-таки характерно для раннего эпоса (сравни с Потыком). В таких же терминах качественной идеализации описана и сошка Микулы: гужики шелковые, сошка кленовая, узоры - рыбий зуб, нарал-ник - булатный, серебряный или золотой. Все это превосходное качество обычных предметов. Даже и про кобылу Микулы сказано лишь, что она «соловенькая» (очень упорно и без изменений дается этот цвет). Т. е. пахарь, крик которого слышен за десятки верст, выглядит хотя и идеализированным, но обычным человеком. Здесь проявляется характерное свойство эпической гиперболы, которое приводит в отчаяние художников» ибо внешними, графическими средствами она невыразима. (Добрыня с конем на известной картине поместился на ладони Настасьи. В былине же он, извлеченный из кармана поляницы, преспокойно женится на ней, чего изображенный на картине карлик совершить не может!).

В том-то и дело, что внешне вид Микулы и даже его сохи еще не позволяют Вольге с дружиной вполне уяснить, кто перед ними. В отличие от мифологической гиперболы гиперболизм эпический исходит из реальных, земных свойств героя и сам по себе несколько условен (как в случае с Настасьей Микуличной). Это лучше всего видно в эпизоде с солью.

Микула, по его словам, привез два мешка соли «по сорок пуд» (в вариантах по четыреста пудов). Из предыдущего ясно, что это опять-таки вряд ли зрительное преувеличение, оно скорее рассчитано на эмоциональный эффект («вот так конь! вот так ездук!). Реальный размер подобного мешка соли выше седла реальной, даже рослой, лошади и не может быть повешен через седло. Зато с помощью этой гиперболы описана сила Микулы - точно так же, как и

посредством рассказа о драке с мужиками-разбойниками (генетически, повторяем, эти мужики восходят к чужому, плохо покоренному племени, которое само намерено взимать дани-выходы с проезжих).

3. Следующая, едва ли не центральная, гипербола - это вес сохи Микулы. Образ этот при кажущейся простоте сложен. Надо сказать, что поднять обычную соху не так-то и просто. Поднять сошку и бросить за ракитов куст - задача отнюдь не легкая, и тут уже идет действительно проверка богатырства. Дружинники Вольги должны проявить силу нешуточную, и то, что они без опасений берутся за дело, показывает, что они ратники добрые. Видимо, обычную крестьянскую соху забросить за куст они бы не затруднились (заметим, что вес сохи не виден сразу, это ее качество).

Однако в сцене с сохой обнаруживается и некая неясность, своеобразный отход от эпического реализма. Микула во всех вариантах не только легко, «одной ручкой», а то и концом плети подымает соху, но он ее именно и нарочито подкидывает или пинает, и сошка улетает за облака, а потом, падая, уходит «до рогача в землю». В одном случае сошка вообще не возвращается на землю:

Да он бросил де сошку под облаки,

Сам говорил таково слово:

- Ты прощай, моя сошка ратная,

Да боле мне-ка век на тебе и не пахивать.³¹

Кинуть предмет - есть акт волшебства. Скажем еще, что чрезмерная легкость орудия для пахаря - нелепость. Эффект усилия напрямую зависит от веса орудия. Пахать столь легкой для себя сохой - это то же, что взрослому рыть землю детской лопаткой (вспомним вес Святогорова меча). Следовательно, дело не только в превосходстве силы, а и еще в чем-то другом. Тут-то и приходится вспомнить Геродотов плут, упавший с неба! Не на небо ли обратно забрасывает Микула свою волшебную соху? Зачем иначе он ее кидает? Зачем это нарочитое

³¹ А. Ф. Гильфердинг, т. III, № 255.

(соху кидать вообще ни к чему, и поломать недолго!) нарушение строгой реальности?

Тут опять решаемся упрекнуть В. Я. Проппа в некоторой неточности. Микула отнюдь не оставляет сошку для мужиков. «Ради мужика-деревенщины» он, напротив, и прячет ее. Ибо мужики, по словам героя, «сколнут омешики булатный, а и нечим мне буде крестьяновати» (текст Т. Г. Рябинина). Вряд ли можно при этом упрекнуть Микулу в скупости. Надобность спрятать соху есть лишнее доказательство ее чудесного характера.

4. Действие с сохой уже намекает на непростую природу самого Микулы. Но здесь только начинается обнаружение его сущности. Вторым эпизодом этого обнаружения является соревнование коней. Кобыла Микулы (в очень точных терминах верховой езды: шаг, поступь, грунь, поскок и т. д.) начинает обгонять боевых коней княжьей дружины. Бытовую остроту этой гиперболы нам уже не понять вполне, ибо мы отвыкли от лошадей, особенно от лошадей боевых, «больших», каковыми были кони Вольги с дружиной, стоившие в древности в несколько раз дороже обычных, рабочих (а кобыла Микулы как-никак рабочая!) и несравнимые по ходовым качествам и резвости с крестьянскими лошадьми. Поэтому резвость Микулиной кобылы - гипербола не меньшая по эмоциональному впечатлению для древнего слушателя, чем его голос, слышный за три дня езды. Казалось бы, для посрамления князя добавлен и эпизод торга, в котором Вольга не может правильно оценить кобылу. Но тут-то и лежит вторая скрытая «намекающая» деталь. Вольга должен разбираться в лошадях как князь, но он еще и хитрец, волхв, он владеет чудесным даром оборотничества. Перед нами отнюдь не простая ошибка зарвавшегося князька, а ошибка кудесника, столкнувшегося с превосходящей его силой.

В самом деле, что это за кобыла, со столь упорно сохраняемой соловой мастью? Параллелью вспоминаются золотистые кони из алтайских погребений, кони, цвет которых (рыжий, светло-рыжий, золотисто-желтый) связан с солнечным культом. Вольга ошибается не потому, что плохо понимает в

лошадях, а потому, что перед ним лошадь волшебная («конь бога»), принятая им за простую, лошадь более могучего героя, чего он и не сумел сразу понять. Уже вслед за тем Микула наконец открывает свое имя.

Можно предположить, что как раз древнейшей была та версия, где Микула сперва помогал Вольге как «чудесный помощник», а потом раскрывал свою истинную сущность. Можно даже предположить, что, заезжая к Микуле, Вольга, скажем, вступал в какие-то отношения с одной из дочерей героя. Но для проверки вероятности всех этих гипотез у нас уже нет фактического материала.

Возвращаясь к поэтической конструкции, видим: во всем, что не касается «чудесного знания» (в реальность чудесных знаний древние верили абсолютно, т. е. и тут перед нами реальность, с точки зрения человека своей эпохи), перед нами конкретное, бытово-точное описание конкретных, наглядно-реалистических событий и явлений, но и в то же время событий и явлений, гиперболизированных количественно и качественно, с целью придания им усиливающего, типизирующего характера; т. е. гипербола здесь служит основным и, скажем даже, почти единственным способом типизации явлений, способом создания эпического образа. При этом количественные преувеличения имеют скорее эстетический, эмоциональный характер, а не реально-зрительный.

5. Заключительная сцена былины, где Микула открывает Вольге, кто он такой, полностью лишена гиперболизма. Как раз тут-то Микула и раскрывается как «культурный герой», герой-предок, т. е. персонаж, строго говоря, доэпического времени. И очень характерно, что именно здесь оказалась снятой система количественных гипербол. Законно предположить, что здесь ее и не было, что перед нами рудимент доэпического мышления и доэпической мифологической поэтики, в которой количественные соотношения еще не упорядочены, не подчинены эстетическому представлению о пропорциях и мере, а гиперболическое еще не является, строго говоря, гиперболой, ибо говорит только о реально огромном.

Рискую здесь высказать еще одно предположение относительно Микулы

Селяниновича, а именно о возможной его связи с богом Белесом, скотским богом древнейших славян, или же с одной из местных разновидностей этого божества, не вошедшей в общеславянский пантеон. Дело в том, что скот, покровителем которого являлся Велес, по-видимому, составлял главным образом конское стадо. Принесение коня в жертву ради успеха коневодства сохранялось на Севере чуть не до революции у карел и у русских (коня не убивали, но умерший во время летнего свободного выпаса конь считался взятым богом). Рыбаки центральной России еще не так давно весной топили лошадь для удачи в рыбной ловле. На иконе Фрола и Лавра, заместивших языческого покровителя скота, изображаются почти исключительно лошади. Выше уже говорилось, что соловая солнечная кобыла Микулы имеет непростое происхождение. Кстати, у славян довольно долго держался матриархат, и в доме Микулы от кобылы до дочерей все «женского рода». Возможно, что в споре о кобыле выясняется суть Микулы как покровителя скота. Повторяю, все это лишь предположение. «Культурный предок» обычно приходит в эпос, минуя стадию обожествления, или уж, обожествляясь, теряет способность эпической трансформации. Но могли быть и разновидности одного и того же мифологического персонажа, развитие которых пошло разными путями в преданиях разных племен.

Конкретное столкновение Вольги и Микулы напоминает, как уже сказано, столкновение-соревнование двух героев - предков разных племен, причем Вольга тут моложе, ибо он прикреплен уже к киевскому княжескому дому и, возможно, к конкретным деятелям русской истории, например вещему Олегу. Что касается образа Микулы, то он, возможно, генетически восходит еще к «культурному предку» скифов-пахарей (предков славян?); возможно также, что в историческое время он преобразовался в культурно-исторического героя - предка древлян, например, и поэтому его образ вошел в пантеон складывающегося общерусского эпоса.

В былине Вольга просит помощи у Микулы для достижения своих (княжеских, объединительных) целей, и Микула ему эту помощь оказывает,

подчеркнув лишь, что и Вольга, и вся его дружина уступают Микуле. Микула Селянинович в былине не символизирует прямо крестьянскую массу, эпосу чужд символизм. Однако в его лице племя бессознательно заменяло свои силы силами героя-предка, что и позволило в новейшее время трактовать образ Микулы символически, как образ крестьянства в целом.

Политическая ситуация былины, если спустить, так сказать, сюжет с неба поэтических гипербол на землю, очень напоминает сложное и зачастую болезненное собирание страны Рюриковичами - именно ту стадию этого собирания, когда окончательно возобладала славянская ориентация киевский князей, начало чему положил вещий Олег, а докончили княгиня Ольга, воевода Добрыня (тем более если допустить, что он действительно прямой потомок древлянских князей) и Владимир, по той же системе гипотез, - сын Святослава и Малуши, дочери князя Мала Древлянского. Заметим, что и сама Ольга «родом из Пскова», - по всей видимости, славянка.

Так или иначе, объединению страны вокруг Киева предшествовало признание - на горьком опыте веков, перед лицом нашествий готов, гуннов (а еще ранее-скифской и сарматской угрозы), сражений с Византией, борьбы с хазарской и болгарской экспансиями, набегами варягов, наконец, аварским погромом - признание необходимости единства, поэтически выраженного в стяжении эпоса в «киевский цикл», т. е. выстраданное, внутренне осознанное стремление к единству, которое и породило ряд (по-видимому, достаточно многочисленный) сюжетов о столкновениях героев-прародителей отдельных славянских племен, устанавливающих, в более или менее отвечающей реальному положению дел пропорции, союз и систему иерархических отношений: кто, скажем, младший, кто старший брат и т. д. Комбинации тут возможны были самые различные. Но среди них комбинация Вольга-Микула оказалась исключительной уже потому, что предок тут - податель земледелия, «селянинович», т. е. глава сельской, пашенной Руси. Этим свойством Микула решительно противостоял героям-воинам, а как «культурный предок» чем-то и

определил корневые психологические особенности национального характера славянина-пахаря на века вперед. Отсвет Микулы ложится и на Илью Муромца, крестьянская прямота и хитроватая скромность которого, наряду с огромным внутренним достоинством, находят прямую аналогию в характере и поступках Микулы. Как Илья привозит Соловья к терему Владимира, выслушивает покоры и срамит затем бояр толстобрюхих, так и Микула под видом простодушной просьбы о помощи срамит дружину Вольги. Илья, переняв от Микулы черты крестьянской психологии, становится главой русского богатырства, так что редкость в этом смысле сюжета о Микуле нас не должна смущать. Но Илья уже развернут в новом качестве и в новой эпохе. Он крестьянин, ставший воином. Поэтому с вырождением, с отходом от национальных начал воинского сословия (генетически образовавшего помещичий класс) самым ярким эпическим социальным антиподом этому вырождающемуся классу, потерявшему свои исторические права на власть, определявшиеся воинским служением Родине, самым ярким антиподом в оценке широкой русской мысли конца XIX-начала XX в. становится среди эпических героев даже не Илья Муромец, а самый древний герой. Это герой-предок народа-землепашца, вся историческая судьба, успехи и неудачи, слава и бесславье которого долго были связаны с земледелием, с «орамною» пашней, с хлебом - основой жизни, торговли, благосостояния страны, развития ремесел, городов, промышленности и воинского могущества. Герой-предок, в образе которого - корневая историческая судьба народа, получившего золотой плуг прямо «с неба» как первый дар, определивший его жизнь и судьбу (рискнем на сопоставление, пока, как выше говорилось, несколько гипотетическое). Этот герой, по прозванию Микула Селянинович, стал и самым ярким выразителем характера нации в целом, обобщенным выразителем русского этноса, русского народа.